

РИТОРИКА, ГРАММАТИКА, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ RHETORIC, GRAMMAR AND WORD-FORMATION

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-357-372

РИТОРИКА, ГРАММАТИКА, ДИСКУРС, ГОМЕОСТАЗ

Г.Г. ХАЗАГЕРОВ

Южный федеральный университет
344005, Ростов-на-Дону, Россия, ул. Большая Садовая, д. 105

Статья посвящена сопоставлению риторического, грамматического и дискурсионного подхода к языку. В центре ее внимания — отношение к системе и систематизации. В основе лежит противопоставление управляемых и адаптивных систем. Ключевой категорией признается гомеостаз, то есть способность системы поддерживать параметры своего существования в определенных пределах. Статья состоит из введения выводов и трех частей. Первая часть интерпретирует социальный смысл риторических систематизаций, которые принято толковать как донаучные и перегруженные терминологией. Анализируются причины, по которым античные систематизации были успешны. Указывается, почему подобные систематизации не могут быть применимы к объектам грамматики. Во второй части отвергается представление о риторике как о вторичной грамматике. Системность языка, с которой имеет дело грамматика, опирается на представление об управляемой системе. Системность, с которой имеет дело риторика, — на представление об адаптивной системе. Грамматика имеет дело с выбором дискретного варианта, риторика занята конструированием континуальных метаплазмов. Отклоняются аналогии между риторикой и грамматикой и в отношении немаркированных форм, автор высказывает сомнения в том, что нейтральная форма может быть найдена для каждого тропа или фигуры. Это иллюстрируется теорией периода в риторике. В третьей части постулируется близость дискурсионного и риторического подходов. Разным пониманиям дискурса соответствует разная степень сближения с риторикой. В самом дискурсионном подходе продуктивным представляется выход за пределы речевого акта, что позволяет трактовать дискурсивное сообщество как обладающее свойством гомеостаза. Это иллюстрируется примером научного дискурсивного сообщества и адаптационными проблемами научного дискурса. Критичными являются выживаемость индивида внутри сообщества и жизнеспособность самого сообщества. Кардинальное различие между риторическим и грамматическим подходом определяет стратегии преподавания и исследования языка. Делается общий вывод о том, что сближение с риторикой способно углубить понятие «дискурс» и стабилизировать его изучение. Источником такой стабилизации видится подход с позиции гомеостаза.

Ключевые слова: *риторика, грамматика, дискурс, система, гомеостаз*

1. ВВЕДЕНИЕ

Научный пафос настоящей статьи — преодоление инерции грамматического мышления при изучении риторики и исследовании дискурса. Риторический подход признается продуктивным для изучения дискурса. Ключевая категория — гомеостаз, то есть система, способная поддерживать параметры своего существования в определенных пределах.

2. НЕПРАВИЛЬНАЯ, НО УСПЕШНАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

Наверное, каждый, кто имел дело с систематизациями, предлагаемыми классической риторикой, испытал по меньшей мере одно из трех чувств: покровительственное отношение к «донаучному знанию», не умеющему привести понятия в строгую систему, раздражение по поводу обилия терминологии и, наконец, чувство Архимеда, если за нагромождением терминов он неожиданно увидел смысл. Автор этой статьи последовательно испытал все три чувства. Первые два, когда работал над «Словарем риторических терминов», третье, когда задумался о социальной роли древних каталогов и сравнил ее с ролью наших строгих систематизаций.

Для каждого из этих чувств есть достаточно поводов. Если олицетворение — вид метафоры, почему оно рассматривается наряду с метафорой? Почему в одном ряду с метафорой и метонимией стоят загадка и пословица? Если троп — употребление слова в переносном значении, то почему харизматизм — это троп? Такие вопросы рождаются у всякого, кто познакомится с первой же систематизацией тропов, данной Трифоном в соответствующем трактате «О тропах» (Τρόπων 1856: 189). Кстати, его систематизация варьировалась с незначительными изменениями в течение тысячи лет, и авторы, как заклинание, повторяли слова Трифона, что тропов — двадцать семь. Это же можно прочесть и в славянском «Изборнике» одиннадцатого века в статье «О образех» (Изборник 1983: 237).

На обилие терминов, связанных с риторическими фигурами, стали жаловаться сразу же после возрождения интереса к риторике. Так, Ж. Женетт отмечает неумное желание классической риторики охватить названиями как можно больше объектов (Genett 1966: 214). Что касается топосов, то здесь дело обстоит еще хуже. От современных ученых не ускользнуло то обстоятельство, что в работе, которая называется «Топика», определения топоса нет: “It is striking that the work that is almost exclusively dedicated to the collection of *topoi*, the book *topics*, does not even make an attempt to define the concept of *topos*” (Aristotle's 2010).

По этому предмету Мишель Лёфф высказал мнение, с которым я вполне солидарен: “But for the most part, the classical authors displayed little interest in theoretical issues; sometimes they modified or rearranged categories in the system, and occasionally they quarreled about small issues of classification, but mainly they treated the topics like so many tools on a shelf — as long the rhetor knew how to get hold of a topic and use it, there was not much need to fuss about abstract consideration” (Leff 2006: 205). В течение же двух тысяч лет топосами называли то логические ходы мысли, сводимые к логическим операциям конъюнкции, дизъюнкции и импликации, то сентенции («общие места»), то просто темы, которые может поднимать говорящий в своей речи (Москвин 2008: 98—150).

А теперь сопоставим три явления: современный журнал мод, трактат ритора Квинтилиана и трактат архитектора Витрувия. Общим свойством этих текстов является эффективное задание эталонов без исходной строгой систематизации. Результат — развитие моды, развитие речи и развитие архитектуры. Различия лежат в объектах, к которым применяются эталоны, и в разной степени дидактики.

Модный журнал содержит немного дидактики. У Витрувия ее гораздо больше: он объясняет, что должен знать и уметь архитектор, а Квинтилиан прямо называет свои двенадцать книг — «Об образовании оратора».

Но главный принцип один: успешный прецедент закрепляется в виде эталона и получает название (откуда и обилие терминов). Строгая дефиниция не обязательна (откуда и «донаучность»). Но обязательна парадигма, т.е. пример. Часто эта парадигма переходит из трактата в трактат. И мы до сих пор при слове «хиазм» вспоминаем, что мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть. Этот пример приводит М.Л. Гаспаров, латинист и переводчик с латинского, в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (Гаспаров 2001: 1167). Квинтилиан, приводя этот же пример — *non ut edam vivo, sed ut vivam edo*, называет это антиметаболой (Qunitilian's 1909: 207). Ричард Ланхем трактует и антиметаболу, и хиазм, отмечая, что они не вполне точно соответствуют друг другу (Lancham 1968: 10, 23). Разные авторы трактуют это явление и как простую перестановку слов, и как смену грамматических ролей, антиметаболу также толкуют как вид хиазма (Копнина 2003: 745—746). Все эти разночтения отражают изначальную ситуацию, когда удачный прецедент речи закреплялся в названии. Древним авторам важно было продемонстрировать, как бывает, а не описывать различия между хиазмом и антиметаболой. Сегодня в русскоязычной риторике закрепился термин «хиазм».

Для того чтобы говорить и думать о моде, архитектуре или речи, нужны специальные слова, «квантующие» это пространство: рукав-реглан, канелюры, исоколон. Ср.: «Вся современная архитектура от Возрождения до наших дней воспринимала наследие античности прежде всего и главным образом через Витрувия, и трудно себе представить, как сложился бы ее облик, если вычеркнуть трактат Витрувия из этого наследия», — пишут издатели русского перевода Витрувия в тридцатые годы двадцатого (Витрувий 1936:12). Но Витрувий рассказывал о своих ордерах и их элементах в декларативной манере, а совсем не с позиции строгого систематизатора. Причем последующие трактаты от Леоне Баттиста Альберти до Андреа Палладио и Джакомо Бароцци да Виньола, автора канона пяти ордеров, стремились сделать систематизацию более строгой. Ср.: «Основные мотивы архитектура продолжает черпать из ордеров. В XVII и XVIII вв. это не более, как варианты на тему *окончательно* [курсив мой] установленную сочинениями Палладио и особенно Виньола» (Шуази 1937: с. 676).

Риторике повезло больше (или меньше?): до нас дошло много риторических трактатов. Все они написаны абсолютно в такой же, как у основоположника теории архитектуры, декларативной манере: «Тропов есть двадцать семь». Развитие семантики, а затем семиотики положило, казалось, начало борьбы с произволом. Тропы прекрасно ложатся в систему и могут, как это сделано у Романа Якобсона, свестись к оппозиции селекции (метафора) и комбинации (метонимия) (Jacobson, R.O. 1956). При некоторой склонности к изощренному мышлению и «компактности» в духе изложения теории множеств у Николая Бурбаки все тропы можно свести к одной синекдохе, как это сделано у авторов «Общей риторики» (Дюбуа, Эделин, Клинкаенберг, Мэнге, Пир, Тринон 2006). Фигуры, будучи

истолкованы как иконические знаки-диаграммы, могут быть сведены к трем типам. Так по крайней мере кажется автору этих строк (Хазагеров 2009). При этом, однако, многие «квазитропы» и «квазифигуры», т.е. речевые феномены, на которые сочли нужным обратить внимание древние риторы, остались за бортом.

Если теперь сопоставить современные работы и те три явления, о которых речь шла выше, выяснится, что мода облетает соответствующую ойкумену в считанные дни, что ораторы и архитекторы ориентировались на тот инструментарий, который им предлагали риторы и теоретики архитектуры. А вот наши сочинения имеют ограниченный круг читателей и влияние их на социальное поведение людей, на формирование городской или языковой среды крайне незначительно.

Почему «недодуманная» классификация риторики оказалась успешной, а вот грамматика не могла позволить себе роскоши оставаться недодуманной, потребовала строгих описаний и кодификации норм, что вылилось в языковой стандарт, с которым так или иначе приходится считаться каждому, кто собирается общаться на выбранном им языке? Ответ прост, но очень поучителен. Так происходит, потому что, вопреки устоявшему предубеждению, риторика не есть вторичная грамматика. Риторика — это совсем не грамматика, она отличается от грамматики самыми существенными свойствами, которыми могут различаться вещи в этом мире: отношением к дискретности и континуальности, отношением к отсутствию и присутствию, и, наконец, природой системности. Поучительно это еще и потому, что риторика обнаруживает глубинное родство с категорией «дискурс», и это родство может послужить своеобразным маяком в окутанных туманом теориях дискурса.

2. МЕТАПЛАЗМ VS. ВАРИАНТ. ОПОНЕНТ VS. ОППОЗИЦИЯ

Фердинанд де Соссюр сравнивал язык с шахматами, подчеркивая, что для понимания этой игры надо знать правила и значение каждой фигуры. В этом смысле язык — система, его элементы взаимно обусловлены. Если рассмотреть эту систему в контексте того, что мы узнали после появления и широкого применения кибернетики — науки о системах — то следует признать, что соссюровская система относится к классу управляемых, но не адаптивных систем. Оппозиции, определяющие шахматные фигуры, выдуманы для того, чтобы осуществлять функцию игры. Можно сделать следующий шаг в уподоблении и говорить не о шахматах, а о пишущей машинке. Место буквы в алфавите, как и место клавиши на клавиатуре, определяется (функционально, а не только геометрически) через другие буквы и другие клавиши. Машинка — типичный пример управляемой системы, подобной гвоздю и молотку или автомобилю. Соссюр не мог знать о гомеостазе, об экологических системах и даже о такой винеровской мысли, как обратная связь. Обратной связью, простым проявлением которой является «переспрос», лингвисты заинтересовались только, когда стали изучать диалоговые системы. Экологическая лингвистика возникла только в конце двадцатого века на волне экологического мышления (Haugen 1972). Гомеостаз — термин введен в 1932 году (Cannon 1932) — все еще не находится в числе активных категорий у языковедов (Хазагеров 2001).

Но, если я играю в шахматы с партнером, с Другим, как выражался Бахтин, я должен отвечать на вызовы, которые создает его игра, я должен приспособливаться к ситуации, наступать и обороняться, и это похоже уже не на язык, а на речь. Ее системность задана не набором элементов, не комплектом, не фонологическими, скажем, оппозициями или системой грамматических времен, а независимым поведением других субъектов, образующих среду, в которой языковой личности приходится выживать. В этой среде элементы не просто обусловлены друг другом, потому что обладают набором дифференциальных признаков, а приспособляются друг к другу. Оппозиции сохраняют силу (шахматные фигуры все те же), но появляются еще и оппоненты (а с ними шахматные часы и турниры). Это уже экологическая система, система с проблемами взаимодействия и выживания.

Соссюра обычно обвиняют в том, что он отказывался изучать речь, но он в этом исключительно последователен. Либо ты изучаешь систему знаков, в которой весьма опосредованно отражены интерсубъектные отношения, и ими можно и нужно пренебречь, либо ты изучаешь речевое поведение носителей языка, постоянно находящихся в интерсубъектных отношениях. При этом Соссюр, и это также последовательно, хотя и противоречит фактам, настаивал на произвольности языкового знака. На самом деле и в языке, и даже в шахматах (!) присутствует иконизм. Более того, иконизм, как известно, ощутим и в грамматике (Wescott 1971). Но иконизм — это джокер в системе, он прорывает ее конвенциональный характер и тем самым отвлекает нас от установившихся конвенций, возвращает нас в открытое поле жизни, у которой своя система, основанная на том, что ее акторы и даже целые их сообщества стремятся к самосохранению, к поддержанию гомеостаза.

Соссюровская лингвистика активизировала объективно присущее грамматике вариантное мышление (Солнцев 1990: 80—81). Если существует закрытый список дискретных вариантов, мы выбираем данный вариант, и этим либо соответствуем грамматике, либо совершаем грамматическую ошибку. Инерция грамматического мышления заставляет и на фигуры риторики смотреть под тем же углом. Возникают следующие рассуждения.

Можно выбрать повтор, можно, напротив, пропуск слов. А еще существует нейтральная форма — полный аналог нулевого знака в грамматике, где нет ни повтора, ни пропуска. Пропуск, повтор и нейтральная форма взаимно определяют друг друга. На них можно посмотреть как на набор в ящике (шахматы). Так можно рассуждать и так действительно рассуждали авторы риторик того типа, который можно было бы назвать протостилистикой. В России самый яркий пример такой риторики — теория Ломоносова, которая занята стратификацией синонимических вариантов (Ломоносов 1952, Ломоносов 1986). Правильное распределение слов по стилям и жанрам (в том числе и распределение тропов) делает речь «пристойной», то есть уместной. Вопрос эффективности речи в такой риторике выглядел бы так же странно, как вопрос об эффективности окончания множественного числа.

Однако исконно риторика мыслила себя по-другому. Закрытого списка фигур (да и тропов) в общем-то не было. Варианты также не были дискретны. Риторические варианты хорошо описываются термином «метаплазм», сохранившимся в фонетике, но относительно недавно относившимся и к словесным фигурам (Маркасова 2002: 68—82). Метаплазм — это буквально лепка речи, растягивание, сокращение, переключивание материала, а не выбор готовой формы из ящика. Звуки действительно можно растягивать, а слова можно повторять. Но звуки можно растягивать больше и меньше, а слова повторять разное количество раз. К тому же поиски нулевой формы в риторике — занятие менее благодарное, чем может показаться на первый взгляд.

Нефигуральную речь, так называемую кириологию, еще можно себе представить в виде нулевого знака, если под фигуральной речью понимать только употребление слов в переносном смысле. Но даже и в этом случае придется объяснить отсутствие нулевой формы для катахрезы. Сложней с собственно фигурами. *Один стоял внутри, другой — снаружи*. Это протозевгма, т.е. фигура, в ее основе лежит пропуск слова. *Один внутри, другой стоял снаружи*. Это гипозевгма, т.е. фигура, в ней также пропущено слово. *Один стоял внутри, другой стоял снаружи*. Это гиперзевгма, т.е. опять-таки фигура, в ней имеется повтор слов. А как высказаться нейтрально? *Они (эти двое) стояли, соответственно, внутри и снаружи? Я летел на самолете, он ехал на поезде*. Это синтаксический параллелизм — фигура. А как без фигуры?

Впрочем, и с тропами все непросто. Трудно представить себе вне риторики декорума [См. о ней: (Ляхманн 2001)] оратора, который выбирает между метафорой и метонимией. А если он выбрал, положим, метафору, то ведь здесь у него просто неограниченное число возможностей для уподоблений. Где же выбор варианта из набора дискретных элементов? Конечно, в ритуализованной, этикетной риторике, где, условно говоря, выбор ограничен алой и белой розой, сходство с грамматикой усмотреть легко. Оппозиция «кощеево седло — золотое стремя» почти грамматическая. Но в живой риторике наборы, созданные для управляемых систем, отсутствуют или присутствуют факультативно. Д.С. Лихачев называл это литературным этикетом (Лихачев 1970).

Наконец, сам концепт, «уклонение», лежащий в основе определения и тропа, и фигуры, не подразумевает заданного списка, хотя и смутно указывает на нулевую форму, от которой происходит уклонение. Думаю, и это последнее — иллюзия, речь просто шла о том, что мы начинаем лепить свою речь, что мы «уклоняемся» не столько от прямого смысла к переносному, сколько от необработанной речи к обработанной. Последнее хорошо заметно в Аристотелевой теории периода, которая своей тривиальностью способна озадачить любого свежего человека (Аристотель 1978: 140) и которая тем не менее была исключительно авторитетной. Разгадка в том, что периодический синтаксис — это обработанная речь цивилизованных людей, а непериодический — речь архаичная или варварская. Но «отклонения» в нашем смысле слова здесь нет. Просто речь членится на отрезки — колоны и коммы, подобно тому, как в архитектуре в периптере мы видим колоны и антаблемент. Причем аналогия с периодом здесь полная. А «нулевому знаку» будет соответствовать нагромождение камней или слов.

Когда мы стараемся следовать указаниям грамматики, мы имеем дело с системой, и ответственны мы именно перед системой и только опосредовано перед собеседником. Причина ответственности в том, что если долго нарушать нормы системы, ею будет трудно пользоваться. Не бей кулаком по клавиатуре! Не грызи шахматные фигуры! Такова мораль. Из подобных соображений унифицируется написание и произношение слов. Когда же мы пытаемся применить знания риторики, мы имеем дело с самим собеседником. Мы не ответственны перед нормой, мы ответственны перед людьми непосредственно. Мы можем, например, ввести их в заблуждение, или, напротив, развеять их заблуждения. Мы ответственны перед делом, ради которого говорим.

3. СИСТЕМНОСТЬ ДИСКУРСА

В этом пункте речь пойдет о сближении риторического и дискурсивного подходов и о системности дискурса. В этом сближении мы будем двигаться по шагам, соответствующим различным пониманиям дискурса: от «дискурс — это выход за пределы предложения» к «дискурс — это текст плюс ситуация» и дальше к пониманию дискурса как части коммуникативной деятельности сообщества.

Как только лингвистика осознала понятие «дискурс» и вышла за пределы предложения, “*language above the sentence or above the clause*” (Stubbs 1983), она вступила в ту область, где обитала риторика и где грамматическое мышление обнаруживает свою недостаточность. До этого говорили только о синхронии и диахронии. И ту и даже другую можно описывать в рамках парадигматических отношений, в ситуации наряду, а не рядом, *in absentia*, а не *in presentia*. Синтагматика при этом легко сводима к парадигматике, так, например, можно описывать глагольное управление. В диахронии момент динамичной перестройки в системе дискретных вариантов (один реализуем, два — в уме) ничего не меняет в общей картине. Все теоретики нормы со времен пражан с удовольствием повторяют, что норма динамична (Матезиус 2003). Но в дискурсе вместо диахронии системы мы видим живую динамику реагирования, исчисляющуюся не веками и эпохами, а зачатую минутами и секундами. В классическом примере о двух объявлениях по поводу использования бассейна и туалета правильное понимание приходит, когда посетитель переходит от чтения одного объявления к другому. Ему, следовательно, требуется всего несколько секунд, чтобы адекватно понять ситуацию, не вытекающую из буквального понимания каждого предложения в отдельности.

Но гораздо важнее то, что вместе с «дискурсом» мы обращаемся к диалогу, хотя, как увидим ниже, и это не предел проникновения в глубины риторического мышления. Тем не менее, если дискурс это не просто два предложения, но «язык плюс ситуация», мы из движения по узким каналам грамматики попадаем в открытое море жизни. Ведь это жизнь поставляет «ситуации». Это в ней существуют другие субъекты, которые в грамматике, стилистике и даже риторике декорума представлены только в виде муляжа абстрактной нормы и никаким образом не могут проявить самостоятельность. Грамматика не имеет дело со свободной волей. Конечно, в диахронии имплицитно отражены какие-то выборы речевого

поведения, и именно здесь и кроется причина адаптивности нормы. Но ни шахматы, ни пишущая машинка сами по себе перестроиться не могут. Диахроническое описание языка не имеет дела с непредсказуемым или предсказуемым поведением субъекта. «А вот мы редуцируем окончания и посмотрим, что Он скажет», — так никто не рассуждает, тем более что диахрония опрокинута в прошлое. «Он» уже сказал, и нам осталось привычное занятие — расставить новые шахматы фонемных отношений.

Когда лингвисты отвергают устойчивое значение слова и предлагают обратиться не к словарю, а к тезаурусу (Martin 2017), они поступают прямо противоположно французским синонимистам (Ору 2000), которые в духе эпохи Людовика XIV (для функциональной стилистики длящейся и сегодня) стремились развести смыслы по дискретным гнездам. При Людовике как раз и властвовала риторика декорума, этикета, и даже было изобретено слово «этикет». Все это прекрасно согласовывалось с картезианством. Но после открытия «дискурса» ситуация изменилась. Современный стилист Н.И. Клушина отмечает поворот от функциональной стилистики к коммуникативной, отмечая, что последняя работает на одном поле с дискурсологией (Клушина) и, от себя замечу, с риторикой.

Главное видится не только в том, что слова меняют свой смысл в зависимости от соседних слов, тем более не в том, что они существуют в общих смысловых полях (в теории поля видится как раз желание грамматикализовать лексику). Главное в том, как будут меняться эти смыслы в общении двух независимых волей. И здесь вариантное, дискретное, парадигматическое мышление просто исчерпывает себя. Простой пример: у одного собеседника синонимический ряд состоит из шести синонимов, половина из которых идеографические, а у другого из одного. Дистинкции управляемой системы, ради которой работали синонимисты, в этом случае просто не работают. Если бы так было в грамматике — это, впрочем, можно придумать для случая понимания чужой системы времен как своей — все оппозиции немедленно бы «поплыли». В случае общения с неносителями языка акценты смещаются с модели «смысл — текст» на модель «интенция — текст». Здесь критично не понимание эталонного смысла, а взаимопонимание собеседников (Kecskes 2016).

В живом общении закономерным образом кончается власть управляемых систем и начинается область систем адаптивных, экологических. Собеседника приходится учитывать, с собеседником приходится объясняться, на собеседника можно влиять, и он может влиять на тебя. В дело также идут социальные статусы и репутации. Последние складываются за пределами *здесь и сейчас* конкретного речевого акта.

Но в «ситуации» («дискурс — язык + ситуация») кроется еще одно ограничение. «Ситуация» вращает все богатство жизни вокруг речевого акта, что напоминает геоцентрическую систему. Меж тем сообщество со своими горизонтальными и вертикальными связями живет за пределами речевого акта. Репутация говорящего, его статус, языковой имидж складываются в ходе других речевых актов за пределами данного. «Ситуации» недостаточно, потому что говорящие

живут в дискурсе относительно долго и обладают памятью. «Погруженность в жизнь» трудно свести к одной точке, перегружая ее непомерно растущим числом параметров, отражающим контексты. Репутация, в частности, размывает границы между микро- и макроконтэкстом высказывания. Так, Ван Дейк (Ван Дейк) к микроконтэксту относит выступление в парламенте, а макроконтэксту — парламентский дискурс как таковой. Но выступающие в парламенте помнят друг друга и знают друг о друге, каждый из них «выживает» в конкретном парламенте, и это еще не парламентский дискурс, но и не единичное выступление. Конкретный парламент тоже живет как адаптивная система, но это тоже не парламентаризм как таковой.

Языковая жизнь различных сообществ переживает эволюционные и инволюционные процессы, у нее есть свои факторы риска. Например, проблемой сегодняшнего научного сообщества является появление спамовых публикаций. Это проблема научного дискурса, или риторики научной речи, но она не может изучаться в рамках изолированного акта. Мучительные проблемы сертификации ученых, не всегда совпадающей с их репутацией у коллег, тоже дискурсивная (риторическая) проблема. Для выживания в сообществе можно взять курс на признание коллег, а можно — на достижение определенных параметров КРІ (Key Performance Indicator, например, количество цитирований). В какой-то мере эти стратегии совместимы, но иногда приходится выбирать. Очевидно, в долгосрочной перспективе эти стратегические выборы скажутся на выживаемости самого дискурса. Вообще конфликт интересов дискурсивного сообщества и интересов индивидуальных, описанный мной в терминах ближней и дальней прагматики (Хазазеров 2006), может быть выявлен, когда мы выходим за пределы речевого акта. Такой конфликт возникает, разумеется, не только в научном дискурсе, но и, например, в дискурсе деловом (Гальчук 2017: 137).

Национальные сообщества тоже представляют собой большие адаптивные системы, определяемые не только достаточно неуловимой «картиной мира», но и зримыми лингвокультурными традициями, например, по-разному проявляет себя в общении категория вежливости (Ларина 2009), непосредственно связанная с социальной адаптацией индивида и в то же время образующая каркас для жизни коммуникативной жизни сообщества в целом.

При грамматическом подходе к языку последний предстает как управляемая система. И если мы повернулись к функционализму или диахронии, это еще не значит, что мы стали смотреть на него как на систему адаптивную. Управляемые системы тоже функционируют. А функционирующие системы могут быть спланированы как, скажем, алфавиты для бесписьменных языков. Диахрония вносит свои коррективы, в которых скрытно, «за кадром» отражена адаптация. Это так. Но это за кадром, где действуют «социальные процессы», «экстралингвистические факторы» и т.п. — *hic sunt leonem*. Кроме того, в языке много несистемного, что в свое время привлекало внимание, случайного, что также бывает с управляемыми системами. Например, залипание какой-то буквы на клавиатуре.

При риторическом подходе мы имеем дело с адаптивной системой — дискурсом. В нем диалог (диалоги), смены говорящих и слушающих субъектов при-

сутствует эксплицитно. Там случаются коммуникативные удачи и неудачи. Это не просто функционирование, это нескончаемая система проб и ошибок, это мутации, девиации, закрепление полезных мутаций путем присваивания им имен (путь классической риторики), это естественный отбор моделей речевого поведения.

Различие, на котором настаивает автор данной статьи, имеет прямое отношение к тому, что мы преподаем.

Для управляемой системы важна строгая систематизация. Нужны парадигмы, таблички с системой времен, падежей и прочее. Нужны аккуратные описания всех различий. Нужна героическая борьба со всякой идиоматикой, исключениями, несистемностью. Все это нужно «задекларировать». «Норма — это коллективная реализация системы, которая опирается как на саму систему, так и на элементы, не имеющие функциональной (различительной) нагрузки», — писал Г.В. Степанов, и это стало общим местом (Степанов 1984: 84). Управляемая система предполагает наличие языкового стандарта, или нормы. Прескрипция здесь адекватна объекту: без нормы система перестанет быть управляемой. Кодификация нормы необходима для нормального функционирования языка, как было показано уже Пражским лингвистическим кружком, иначе не получишь «отшлифованный» язык.

У адаптивной системы место прескрипции заменяет предложение, или проектирование. Однако такое предложение не сводится к так называемой либерализации нормы, отмечаемой как современный тренд (Стернин 2015: 72). Это не то, что сказать: «пусть кофе будет и среднего рода тоже». Риторическое предложение активно, оно выкладывает сразу множество инструментов, а при более пристальном взгляде каждый инструмент — это целая стратегия. И все-таки риторика настаивает на своих рекомендациях, как это делает журнал мод. Например, сегодня можно сказать студенту: «неумеренное использование статуса отвода обесмысливает интернет диалог, смягченным вариантом может быть обращение к статусу оценки, в крайнем же случае постарайтесь обосновать отвод причиной, релевантной именно для аргументации вашего оппонента». Или: «обилие парентез в современной прозе уже не встречает читательского одобрения, ищите других путей для экспрессивного синтаксиса, можно порекомендовать...». Короче говоря, стандарт заменяется мониторингом, но это не похоже, скажем, на мониторинг движения ударений (звонишь — звонишь) для выработки акцентологической нормы. Риторический мониторинг неизбежно связан с названиями трендов. Так появляются «мемы», «смайлики», «троллинги». Постулирование существования особого класса объектов — «мемов» — очень хороший пример риторического мышления. Теоретически мем был задуман как аналог гена, но это аналогия не выдерживает серьезной критики, да и вообще мем определен не более строго, чем античный топос. Тем не менее категория работает.

Риторика живет, когда она придумывает названия или «вспоминает» старые, приспособивая их к новым случаям. В двадцатом веке заговорили о парцелляции, не отмеченной ни в каких курсах риторики, потому что парцелляция появилась в жизни. Менее «свежий» пример: античная риторика не знала термина «анта-

подозис», но сам антаподозис (развернутая метафора с комментариями) появляется в христианском средневековье под влиянием Евангелия. Тогда же появляется и термин (Хазагеров 1994).

Инструмент риторики — номинация, а не систематизация. Пример критически важен. При этом учитель риторики должен быть и ее популяризатором, что не обязательно для грамматика. Ритор должен «внедрять» свои каталоги, иначе они теряют смысл, будучи одновременно лишены и логической чистоты (почти неизбежно), и социального значения (по определению). Хорошо, если учитель риторики связан с практикой подготовки убеждающих речей, хотя бы как консультант, логограф нашего времени. Это даст ему запас живых прецедентов, на которые всегда хорошо реагирует аудитория.

Различие адаптивной и управляемой систем имеет отношение и к тому, что мы исследуем. Только здесь различие лежит уже не в области прескрипций, а в области дескрипций. В идеале управляемую систему можно описывать булевой алгеброй. В адаптивной потребуется и вероятностная, и нечеткая логика. Здесь потребно моделирование такого типа, которое еще никогда всерьез не производилось. Вероятностные измерения в тексте, чем увлекалась лингвистика на заре компьютеризации, в частности, в связи с проблемой автоматического перевода, предполагали угадывание букв и слов, то есть с самого начала имели дело с диалогом (Пиотровский 1973). Впоследствии в стилистике декодирования был предложен принцип выдвигания, тоже связанный с диалогической интерпретацией системы «текст — читатель», основанной на вероятностных оценках (Арнольд 1999). Еще в 1995 году А.Е. Кибрик прогнозировал, что языкознание нового тысячелетия перейдет от дискретной лингвистики к лингвистике, основанной на нечеткой логике и размытых множествах (Кибрик 1995).

Отталкиваясь от известного определения дискурса И.Д. Арутюновой «текст, погруженный в жизнь», В.И. Карасик пишет, что «...дискурс — это личностно, культурно и ситуативно детерминированная коммуникативная практика. Такая дефиниция расширяет поле исследования, перед нами не только текст, но и процессы текстопорождения и текстовосприятия» (Карасик 2014: 146).

В самом деле, перед нами не текст, а целое дискурсивное сообщество. Это сообщество людей, пребывающих в постоянных интеракциях, постоянно убеждающих в чем-то друг друга, верящих и разуверяющихся. Для его описания потребуется как минимум аппарат теории игр. Вообще же даже умозрительные модели такого рода, описывающие дискурсивное сообщество, не слишком распространены. Определенный толчок в этом направлении дало изучение языка тоталитаризма, т.е. языка патологического сообщества. Особенно интересно рассматривать жизнь таких сообществ в динамике, что и позволяет говорить об адаптации и деградации. Как всегда при изучении патологии, кое-что интересное оказалось выявленным, в частности, выяснилось, что происходит с метафорами, которыми мы «больше не живем» (Хазагеров 2006). В этом отношении плодотворна мысль о роли мультимедийности в политической риторике (Понтон 2016). Обращение к мультимедийности позволяет нам гораздо глубже понять жизнь

дискурсивного сообщества. В частности, это дает возможность рассмотреть роль «праздничности» в государственной культуре, которая особенно высока в тоталитарных государствах, но и повсюду сопутствует торжественному красноречию политической риторики.

4. ВЫВОДЫ

Грамматика и риторика имеют дело с системами разного типа: первая — с управляемой системой, вторая — с системой адаптационной. Первая связана с дискретными вариантами, вторая имеет дело с континуальными метаплазмами. Первая неизбежно связана с языковым стандартом и строгими систематизациями. Вторая действует через систему обновляемых номинаций и рекомендаций, ее систематика основывается на нечеткой логике и стабилизируется с помощью понятия «гомеостаз». Старое, хотя и не исконное представление о риторике как о вторичной грамматике тормозит развитие риторики, сводит ее к стилистике. Стратегии преподавания и изучения риторики принципиально отличны от стратегий преподавания и изучения грамматики.

Дискурсивный подход к языковым явлениям гораздо ближе к риторическому, чем грамматическому. Причем именно сближение с риторикой способно углубить дискурсивный подход и само понятие «дискурс». Потенции такого углубления кроются в выходе за пределы речевого акта, сколько бы ситуационных параметров (учет влияния тех или других контекстов) мы ему ни приписывали. При выходе за пределы речевого акта мы имеем дело с дискурсивным сообществом, которое и является источником адаптации, выживания в качестве сообщества, поддерживающего параметры своего существования в определенных пределах, т.е. обладающего гомеостазом. Язык, погруженный в жизнь, есть язык, погруженный в то, что стремится к самосохранению — обладает свойством гомеостаза. Это «что-то» есть, во-первых, языковая личность, выживающая в сообществе, и, во-вторых, само сообщество, подверженное различным вызовам.

© Г.Г. Хазагеров, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аристотель *Риторика* III, 9 // *Античные риторики*. Изд-во МГУ, 1978. [Aristotel' (1978). *Ritorika* III, 9 (Rhetoric). Moscow. (In Russ).]
- Арнольд. И. В. *Семантика, стилистика, интертекстуальность*. СПб., Изд-во СПбГУ. 1999. [Arnol'd, I. V. (1999). *Semantika, stilistika, intertekstual'nost'* (Semantics, Stylistics, Intertextuality).]
- Витрувий. *Десять книг об архитектуре*. М., ИАА. 1936. С. 12. [Vitruvii. *Desyat' knig ob arkhitekture*. Saint-Petersburg, pp. 12. (In Russ).]
- Гальчук Л.М. «Двадцатипроцентное решение»: концепция социального капитала сквозь призму английских неоминаций конца XX — начала XXI // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. No 1. С. 126—140. [Galchuk, L.M. (2017). "The Twenty Percent Solution": the Concept of Social Capital through the New Words in English Business Discourse at the Turn of the 21st Century. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 126—140. (In Russ).]

- Гаспаров М.Л. Хиазм // *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М., НПК «Интел-вак», 2001. С.1167. [Gasparov, M.L. (2001). Khiazm (Chiasm) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii*. Moscow, pp. 1167. (In Russ.)]
- Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж.-М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тринон А. Общая риторика / пер. с фр. М., КомКнига. 2006. [Dubois, J., Edeline, F. Klinkenberg, J.M., Minguet, P, Pire, F., Trinon, H. (2006). *Obshaya ritorika (General Rhetoric)*. per. fr. Moscow: KomKniga. (In Russ.)]
- Карасик В.И. Языковое проявление личности Волгоград. Парадигма, 2014. [Karasik, V.I. (2014). *Yazykovoe proyavlenie lichnosti (Language Personality Manifestation)*. Volgograd. (In Russ.)]
- Кибрик А.Е. Куда идет современная лингвистика // *Лингвистика на исходе XX века*. М., Русская филология, 1995. С. 33—52. [Kibrik, A.E. (1995). *Kuda idet sovremennaya lingvistika (Where Modern Linguistics Goes)*. *Lingvistika na iskhode XX veka*, Moscow: Russkaya filologiya, pp. 33—52. (In Russ.)]
- Клушина Н.И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 20, № 4. 2016. С. 78—90. [Klushina, N.I. (2016). *Discourse and Stylistics: Integrative Methods of Research of Media Communication*. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 78—90. (In Russ.)]
- Копнина Г.А. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., Наука. 2003. С. 745—746. [Kopnina, G.A. (2003). *Kul'tura russkoi rechi (Culture of Russian Speech)*. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik*, 745—746. (In Russ.)]
- Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: составление английских и русских лингвокультурных традиций. М., Языки славянских культур. 2009. [Larina, T.V. (2009). *Kategoriya vezhливosti i stil' kommunikatsii: sostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii (Politeness and Communicative Styles: comparative analyses of English and Russian communicative traditions)*. Moscow: Yaziki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)]
- Лахманн Рената Демонтаж красноречия. СПб., Академический проект. 2001. [Lakhmann, R. (2001). *Demontazh krasnorechiya (Eloquence Dismantle)*. *Akademicheskii proekt*, St. Petersburg (In Russ.)]
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., Наука. 1970 [Likhachev, D.S. (1970). *Poetika drevnerusskoi literatury (Poetics of Old Russian Literature)*. Moscow. (In Russ.)]
- Ломоносов М.В. О пользе книг церковных // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 589—590 [Lomonosov, M. V. (1952). *O pol'ze knig tserkovnykh (On the Benefits of Church Books)* Lomonosov M. V. Poln. sobr. Soch. Moscow, 589—590. (In Russ.)]
- Ломоносов М.В. Избранные произведения в 2 т. Т.2. История. Филология. Поэзия. М.: Наука, 1986. С. 158—160. [Lomonosov, M.V. (1986). *Izbrannye proizvedeniya v 2 t. (Selected Works in 2 volumes) T. 2. Istoriya. Filologiya. Poeziya*. Moscow, 158—160. (In Russ.)]
- Маркасова Е.В. Представление о фигурах речи в русских риториках XVII — начала XVIII века. Петрозаводск. ПетрГУ. 2002. [Markasova, E.V. (2002). *Predstavlenie o figurakh rechi v russkikh ritorikakh XVII — nachala XVIII veka (Figures of Speech in Russian Rhetoric of the XVII — early XVIII century)*. Petrozavodsk. (In Russ.)]
- Матезиус В. О необходимой стабильности литературного языка // В. Матезиус Избранные труды по языкознанию. УРСС. М., 2003. С.194—209. [Matezius, V. O. (2003). *O neobkhodimoi stabil'nosti literaturnogo yazyka (On the Necessity of Stability of the Literary Language)*. V. Matezius *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu*. Moscow, pp. 194—209. (In Russ.)]
- Москвин В.П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Ростов-на-Дону, Феникс. 2008. [Moskvin, V.P. (2008). *Argumentativnaya ritorika: teoreticheskii kurs dlya filologov (Argumentative Rhetoric: theoretical course for philologists)*. Rostov-on-Don. (In Russ.)]

- Об образех // Изборник Святослава 1073 года: факсимильное издание. М.: Книга, 1983. Лист 4. [Ob obrazekh. Izbornik Svyatoslava 1073 goda: faksimil'noe izdanie. Moscow, List 4. (In Russ.)]
- Ору С. Две гипотезы о происхождении сосюрловской концепции языковой значимости // Сильвен Ору История. Эпистемология. Язык / пер. с фр. М.: Прогресс, 2000. С. 274—280. [Oru, S. (2000). Dve gipotezy o proiskhozhdenii sossyurovskoi kontseptsii yazykovoï znachimosti (Two Hypothesis on the Conception of Language Personality by Saussure // Sil'ven Oru. Istoriya. Epistemologiya. Yazyk / per. s fr. M.: Progress, 2000, pp. 274—280. (In Russ.)]
- Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек. Л. «Наука». 1973. [Piotrovskii, R. G. (1973). Tekst, mashina, chelovek (Text, Machine, Man). L., Nauka. 1973. (In Russ.)]
- Солнцев В.М. Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 80—81. [Solntsev, V.M. (1990). Variantnost' (Variability). Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. Moscow, 80—81. (In Russ.)]
- Степанов Г.В. О двух аспектах понятия языковой нормы // Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. М.: Наука, 1988. [Stepanov, G.V. (1988). O dvukh aspektakh ponyatiya yazykovoï normy (Two Aspects of Language Norme). Stepanov G.V. Yazyk. Literatura. Poetika. Moscow. (In Russ.)]
- Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. [Stermin, I.A. (2015). Obshchestvennye protsessy i razvitie sovremennogo russkogo yazyka (Social Processes and Development of Modern Russian Language). Moscow-Berlin. (In Russ.)]
- Хазагеров Г.Г. «О образех»: Иоанн, Хировоск, Трифон // Известия РАН, сер. «Литература и язык». № 1, 1994. [Khazagerov, G.G. (1994). «O obrazekh»: Ioann, Khirovosk, Trifon. Izvestiya RAN, ser. «Literatura i yazyk», № 1. Moscow. (In Russ.)]
- Хазагеров Г.Г. Ось интенции и ось конвенции: в поисках новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал. 2006. № 1/2. [Khazagerov, G.G. (2006). Os' intentsii i os' konventsii: v poiskakh novoi funktsional'nosti v lingvo-kul'turologicheskikh issledovaniyakh (Intention and Convention Axis: Searching New Functionality in Cross-Cultural Studies). Sotsiologicheskii zhurnal. № 1/2, Moscow. (In Russ.)]
- Хазагеров Г.Г. Риторические фигуры: три аспекта «отклонения от обычного выражения» и перспективы изучения теории фигур. (Электронный ресурс: khazagerov.com 2009). [Khazagerov, G.G. (2009). Ritoricheskie figury: tri aspekta «otkloneniya ot obychnogo vyrazheniya» i perspektivy izucheniya teorii figur (Rhetorical Figures: Three Aspects of “Deviation from Ordinary Expression” and Perspectives of Studying the Theory of Figures). Retrieved from: khazagerov.com (In Russ.)]
- Хазагеров Г.Г. Убеждающая речь как гомеостаз // Социологический журнал. 2001. № 3. [Khazagerov, G.G. (2001). Ubezhdayushchaya rech' kak gomeostaz (Persuasive Speech as homeostasis). Sotsiologicheskii zhurnal. № 3. (In Russ.)]
- Шуази Огюст История архитектуры. М., ИАА. 1937. Т. 2. [Shuazi, O. (1937). Istoriya arkhitektury (History of Architecture). Т. 2. Moscow. (In Russ.)]
- Aristotle's Rhetoric (2010). Stanford Encyclopedia of Philosophy. Retrieved from: <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-rhetoric/>.
- Cannon, W.B. (1932). The wisdom of the body. W.W. Norton & Company, Inc.
- Genett, G. (1966). Figures. Paris: Seuil.
- Khazagerov, G. (2016). On Monstrosity of Metaphor in Cognitive Paradigm. Proceedings of Southern Federal University. Philology, 2, 91—101.
- Lancham, R.A. (1968). A Handlist of Rhetorical Terms. A Gide for Students of English Literature. Berkley and Los Angeles.

- Haugen E. (1972). *The Ecology of language. Essays by Einar Haugen*. Stanford: Stanford University Press.
- Jacobson, R.O. (1956). Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances in Halle M., Jacobson R. *Fundamentals of Language* “Janua Linguarum”, “Mouton Publishers” Gravenhage, 55—82.
- Kecskes, I. (2016). A dialogic Approach to Pragmatics. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 26—42.
- Leff, M. (2006). Up from theory: Or I Fought the topoi and the topoi won. *Rhetoric society* 36 (2), 203—211.
- Martin, J R (2017). The Discourse Semantics of Attitudinal Relations: Continuing the Study of Lexis, *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 22—47.
- Ponton, D. (2016). Movements and Meanings: Towards an Integrated Approach in Political Discourse Analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 122—139.
- Qunitilian’s Institutes of Oratory (1909). L. George Bell and sons. Vol. II. IX. 3.85.
- Stubbs, M. (1983). *Discourse Analyses: the Sociolinguistic Analyses of Natural Language*. Oxford.
- Wescott, R.W. (1971). Linguistic iconism. *Language*, 47 (2).
- Τρόφωνος περί τρόπων (1956). Spengel, L. *Rhetores Graeci ex recognitione*, Lipsiae: Teubner, 1856, vol. III, p. 189.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 ноября 2017

Дата принятия к печати: 15 декабря 2017

Для цитирования:

Хазазеров Г.Г. Риторика, грамматика, дискурс, гомеостаз // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 357—372. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-357-372.

Сведения об авторе:

ГЕОРГИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ХАЗАЗЕРОВ — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Южного федерального университета. Автор книг и статей по риторике и русской филологии, вузовских учебников по риторике. *Сфера научных интересов:* риторика, стилистика, рецепция античных теорий стиля и учения о тропах и фигурах в теории и практике отечественного красноречия. *Контактная информация:* e-mail: khazagerov@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-357-372

RHETORIC, GRAMMAR, DISCOURSE AND HOMEOSTASIS

GEORGIY G. KHAZAGEROV

Southern Federal University
105 Sadovaja St., 344005 Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The paper compares the rhetorical, grammatical and discourse approaches to the study of language by focusing on issues of systematization and the contrast between controlled and adaptive systems. The key category of the analysis is homeostasis, a system to maintain its functions within certain limits. First, the study interprets the social meaning of rhetorical systemizations, traditionally interpreted as pre-scientific

and terminologically laden, and identifies the reasons why the ancient systematization was successful but cannot be applied to Θ grammar. Then the idea of rhetoric as a secondary grammar is challenged by contrasting grammar as a controlled system and rhetoric as an adaptive system; while grammar selects discrete variants, rhetoric constructs continual metaplasms. Similarities between rhetoric and grammar concerning unmarked forms are also considered irrelevant because neutral forms cannot be produced for each trope and figure, which is proven by rhetorical period. Finally, the paper states the proximity of the discourse and rhetorical approaches. Different interpretations of discourse demonstrate different relations with rhetoric. The discursive approach is productive beyond the speech act, which means that the discursive community can be considered in terms of homeostasis. This idea is illustrated by the problems faced by individuals in joining the academic discourse community, communicating within it, and the viability of the community itself. The difference between the rhetorical and grammatical approaches determines the strategies of language teaching and language study. The paper concludes that the rhetorical approach can contribute to the concept and framework of discourse if this framework is constructed with reference to homeostasis.

Keywords: *rhetoric, grammar, discourse, system, homeostasis*

Article history:

Received: 20 November 2017

Revised: 5 December 2017

Accepted: 15 December 2017

For citation:

Khazagerov, Georgiy (2018). Rhetoric, Grammar, Discourse and Homeostasis. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 357—372. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-357-372.

Bionote:

GEORGIY G. KHAZAGEROV is Doctor of Philology, Full Professor, head of Russian Language Department of Southern Federal University. *Research interests:* Rhetoric, Stylistics, Cultural, Socio-Psychological, Linguistic problems of the Russian language. *Contact information:* e-mail: khazagerov@gmail.com